

Борис Костин
Василий Верещагин

СКОБЕЛЕВ

Борис Акимович Костин Василий Васильевич Верещагин Скобелев (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24506529

Костин Б. А., Верещагин В. В. Скобелев.: Клуб «Ода»; СПб; 2015

ISBN 978-5-9902354-4-1

Аннотация

С именем генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева, которого в народе называли «Белым генералом», связаны многие блестящие победы русского оружия. Ему принадлежит значительная роль в присоединении к России Туркестана. Русско-турецкая война 1877–1878 годов за освобождение Болгарии принесла ему славу полководца, «Суворову равному». Неизмеримы заслуги Скобелева в деле славянского единения, а вся его короткая, но яркая жизнь является убедительным примером беззаветного служения Отечеству.

Содержание

Борис Костин	6
«...Не более как сын русского солдата»	7
Призвание – служба	34
В Туркестане	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Борис Костин
Василий Верещагин

СКОБЕЛЕВ

1843

1882

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

**Борис Костин,
Василий Верещагин
Скобелев (сборник)**

© Клуб «Ода», 2015

© Художественное оформление. Замятин Н. В., 2015

Борис Костин Белый генерал

Борис Костин

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

«...Не более как сын русского солдата»

Петербург. 17 сентября 1843 года¹. Часы собора Петра и Павла пробили полночь, отзвучал гимн, по булыжнику гулко прошагала смена караула. Крепость затихла, и только в доме коменданта во всех окнах горел свет и безмолвно суе-тилась прислуга. У дверей одной из комнат собралось почти все население комендантского дома. Вдруг тишину нарушил надрывный крик и через мгновенье раздался младенческий плач. Двери открылись, и женщина, вытирая руки о белоснежный передник, с улыбкой произнесла: «С сыночком вас, Дмитрий Иванович, а вас, Иван Никитич, с внуком». Новои-спеченные отец и дед новорожденного, не сдерживая эмо-ций, крепко обнялись. Рождение первенца у поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Ско-белева праздновали буйно, с песнопениями, пальбой. На се-мейном совете долго решали, какое имя дать малышу.

Православный календарь в сентябре изобилует упомина-ниями святых с именем Михаил, канонизированных церкво-вью. Среди них первый митрополит Киевский, князя Чер-ниговский и Тверской, архистратиг Михаил, поборник спра-

¹ Все даты до 1917 года приводятся по старому стилю. Скобелев родился в день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. – Здесь и далее примечания автора.

ведливости и добра. Может быть, это обстоятельство и повлияло на выбор имени. Решение назвать мальчика Мишей закреплено записью, сделанной при крещении в церковной книге Петропавловского собора.

Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, повесив над люлькой шпагу с надписью «За храбрость», predetermined будущее внука. Малыш лежал тихо, запеленатый в атласное одеяло, в чепчике с ажурными кружевами. Изящная колыбель, убранная заботливыми материнскими руками, слегка покачивалась на шелковых полотнищах. Что вспомнилось в этот миг старому воину? Генерал от инфантерии не баловал близких рассказами о детстве и юности. Да и воспоминания носили безрадостный оттенок и лишь бередили душу. Ни в сытости, ни в праздности семья Скобелевых не жила и главной заботой домочадцев была забота о хлебе насущном. Она, однако, не вытесняла из помыслов юноши мечты и надежды на будущее. Выбирать и творить его предстояло только самому. Возможно, Иван Скобелев разделил участь своих сверстников, если бы не боевое прошлое отца. В доме часто звучала песня:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!..

Отставной сержант Никита Скобелев не раз слышал победное ликование русских воинов и сохранил в памяти мно-

жество эпизодов из баталий. Рассказчиком он слыл отменным – и потому в долгие зимние вечера в его избе, где в красном углу светилась лампадка, потрескивала лучина, за большим суковатым столом собирались деревенские ребяташки и, тесно прижавшись друг к другу, пошмыгивая носами, с нетерпением ожидали очередного повествования о славном времени, о походах и сражениях, о начальниках, с которыми приходилось делить ратные труды.

Странно, но даже в третьем томе «Русской родословной книги» (издание 1878 года), куда занесен род Скобелевых, отец Ивана Никитича упоминается без отчества. Исследователи генеалогических корней distinguished российских семей в прошлом веке натолкнулись на преграду, которую создал ни кто иной, как сам Иван Никитич, неоднократно заявляя, что родословная Скобелевых начинается с него².

Скрывать что-либо, по сути, не имело смысла. Количество однодворцев в России ежегодно пополнялось служилыми людьми, вышедшими в отставку. Небольшой надел земли и средства на обзаведение хозяйством давали возможность обустроиться в новой жизни. Личная свобода предполагала и свободу выбора супруги. Никита Скобелев связал судьбу с дочерью помещика Корева, жившего по соседству. В приданое за Татьяной Михайловной отставной сержант получил

² Английский журналист Марлей в одной из своих статей, вышедших в Лондоне в 1882 году сообщил, что якобы род Скобелевых ведет свое начало от шотландских эмигрантов, имевших фамилию Скобей. Эти сведения журналист почерпнул у русского посланника в Бухаресте барона Стюарта.

небольшую деревушку Чернышино в Калужской губернии. Век главы семейства Никиты оказался недолгим и он обрел вечный покой на погосте собственной вотчины. А вот Татьяна Михайловна дожила до глубокой старости. Умерла она в 1828 году, когда Ивану Никитичу исполнилось сорок шесть лет.

Иван был младшим сыном и потому материнская любовь и нежность безраздельно принадлежали ему. Дорогой ее сердцу сыночек, шутливо называемый «поскребышем», был и ершист, и непоседлив, и охочий до новин. Матушка шаг за шагом открывала перед Иваном чудесный мир книги. И не беда, что книг-то было всего две – Библия да молитвенник, они поучали добросердечию, заложили в характере Ивана Скобелева христианское долготерпение. Матушкины труды, как мы убедимся далее, даром не пропали. Научив Ивана распевным молитвам, чтению и письму, она, дочь боевого офицера и жена солдата, сумела внушить сыну сизмальства и понятие о святости царской службы.

Царь. Вера. Отечество. В те далекие времена эти слова звучали совестливым наказом любому россиянину, и величина расстояния от столицы до глубинки Российской империи, где проживали Скобелевы, вовсе не преуменьшала их значения. Ивану Скобелеву с юных лет были чужды праздность и благодушие, а слово «долг» прочно обосновалось в лексиконе простолюдина, ставшего впоследствии российской знаменитостью. А началось его восхождение к гене-

ральским эполетам и аксельбантам с прошения о зачислении «в воинскую службу на казенный кошт», с котомки со ржаным караваем, с посоха и лаптей, которые отмерили долгий путь от села Новиковки Самарской губернии до Оренбургской укрепленной линии.

Вольноопределяющийся Первого Оренбургского пехотного полка Иван Скобелев пролил немало соленого пота, прежде чем заслужил скупую похвалу бывалых воинов. Заметило рвение юноши и начальство, в глазах которого Иван Скобелев был «молодцом, твердым в правилах службы». Добиться признания у однополчан во многом помог и характер Ивана. Обладая незаурядным даром песенника, лихой танцор и балагур, он вносил особую живинку в суровое солдатское бытие. И даже тогда, когда Иван Скобелев чувствовал обойденным себя по службе, он не роптал и не предавался унынию. «За Богом молитва, за царем служба никогда не пропадет», – рассуждал Иван Скобелев, не имевший всемогущих родственных связей, и сам торил себе дорогу к признанию. Увы, все свершалось чересчур медленно. В 1795 году – он сержант. И только лишь в 1804 году Скобелев получил производство в первый офицерский чин. 1806 год был отмечен новым повышением – Иван Скобелев стал подпоручиком и был назначен полковым адъютантом 26-го егерского полка, которым командовал И. М. Эриксон. Именно с этим полком, выступившим в 1807 году в Пруссию, связано боевое крещение Ивана Скобелева. В реляции об успеш-

ном сражении под Петерсвальде имя Скобелева упоминалось несколько раз, а наградой стал орден св. Анны IV степени³.

В феврале 1808 года русские войска перешли границу Финляндии. В любой войне стратегия и тактика определяют характер и способы боевых действий, но в этой войне все не они являлись главенствующими. Неимоверная стужа, мрачные скалы, непролазные болота, свирепые ураганы проверяли на прочность боевую выучку и стойкость русского солдата. В соперничестве с противником и стихией он выстоял и победил. На заснеженных полях Скандинавии утверждались военные дарования П. И. Багратиона, Я. П. Кульнева, Н. Н. Раевского, М. Б. Барклая де Толли – военачальников, которые не обошли вниманием заслуги Ивана Скобелева. Из двадцати сражений, в которых он принимал участие, наиболее памятным был переход по льду Ботнического залива и взятие Аландских островов. Награды: золотая шпага с надписью «За храбрость» и орден св. Владимира IV степени⁴.

³ Орден св. Анны учрежден в 1735 году герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом, отцом будущего российского императора Петра III, в память своей жены Анны Петровны. Для орденского девиза он заимствовал первоначальные буквы имени рода своей супруги «А. I. P. F.», т. е. «Анна, Императора Петра Дщерь». Девиз ордена: «Amantibus Justitiam, Pietatem, Fidem» («Любящим правду, благочестие, верность»). В капитул российских орденов включен Павлом I.

⁴ Орден св. равноапостольного князя Владимира четырех степеней учрежден 22 сентября 1782 года. Девиз ордена: «Полюза, честь и слава». Первая и вторая

Бой при кирхе Куортане стал последним для Ивана Скобелева в Шведской кампании – неприятельское ядро оторвало два пальца на правой руке и сильно контузило в грудь. Генерал Раевский поручил лечение Скобелева домашнему доктору, а когда герой пошел на поправку, предложил должность старшего дивизионного адъютанта – на Дунае возобновилась затяжная война с Турцией. После штурмов турецких крепостей Шумлы и Силистрии Иван Никитич вынужден был подать в отставку «за ранами и увечьем, с мундиром и жалованьем». Орден св. Анны III степени Иван Никитич получил, находясь на излечении в столице. Император Александр I, подписавший рескрипт о награждении, к монаршей благодарности присовокупил солидное денежное вознаграждение и лично подыскал боевому офицеру место пристава в Московском округе Санкт-Петербурга. Возможно, что с этим назначением навсегда завершилась военная карьера Ивана Скобелева, если бы не наступил 1812 год. Нехлопотная полицейская служба сразу стала постылой и тягостной. Знакомые незлобиво подшучивали над Иваном Никитичем: дескать, тот стал камер-пажом у князя А. И. Горчакова, который по отсутствию Барклая де Толли управлял военным министерством. Скобелев сутками пребывал в приемной и добился-таки своего. Михаилу Илларионовичу

степени имели звезду и крест, третья и четвертая только крест черно-красной эмали с изображением горностаевой мантии с вензелями «С. В.» Ордена для военных имели банты.

Кутузову, назначенному на должность главнокомандующего русской армии, требовался ординарец, и Скобелев стал сущей находкой для генерала от инфантерии.

Бородино, Тарутино, Малый Ярославец – названия мест, достопамятных для русской военной истории. Иван Никитич впоследствии не без гордости говорил о своем участии в славных сражениях Отечественной войны 1812 года. Когда русская армия вышла на берега Немана, откуда началось и печально закончилось наполеоновское нашествие, главнокомандующий недосчитался многих ординарцев. Скобелеву повезло. Из кровопролитных баталей он вышел цел и невредим, имея репутацию храброго и распорядительного офицера. Чин полковника и очередной орден св. Анны II степени стали признанием его заслуг.

В ходе кампании в штабе русской армии сложилось необычное трио. Главнокомандующий, Михаил Илларионович Кутузов, отлично знавший солдата и ценивший его ратный труд, Скобелев, дока по части меткого словца и излюбленных прибауток из солдатского лексикона, и московский ополченец Василий Жуковский, наделенный незаурядным поэтическим даром. Не оттого ли реляции подкупали простотой и правдивостью, а бюллетени находили горячий отклик у соратников, что составлялись они людьми, для которых слово «Отечество» не было пустым звуком.

События героические и незабвенные нашли отражение и в проникновенных поэтических строфах. «Певец во стане рус-

СКИХ ВОИНОВ» ВОСКЛИЦАЛ:

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть – все пополам,
Там дружество без лести...

Среди множества услуг, оказанных Отечеству полковником Скобелевым, современники выделяли две. Ведь именно ему было суждено доставить в Санкт-Петербург останки спасителя России князя Смоленского, скончавшегося в Бунцлау. Именно он, командуя Рязанским пехотным полком, поставил победную точку 18 марта 1814 года на высотах Монмартра в Париже, и именно в исполнении оркестра Рязанского полка, шефом которого Иван Никитич оставался до конца своих земных дней, прозвучал гимн российскому воинству «Гром победы, раздавайся!» Орденами св. Георгия IV степени⁵, св. Владимира III степени, прусским «Pour le merite» отмечены заслуги Скобелева в освободительном походе.

До 1831 года Иван Никитич, по его собственным словам, «исполнял обязанности и по высочайшим повелениям был употребляем по разным поручениям». К тому време-

⁵ Орден св. великомученика и победоносца Георгия четырех степеней учрежден Екатериной II 26 ноября 1769 года. Девиз ордена: «За храбрость и службу». Первая и вторая степени имели большой крест и золотую ромбовидную звезду. Третья и четвертая степени имели только белый эмалевый крест с московским гербом. На ленте ордена чередовались черные и желто-оранжевые полосы.

ни он имел чин генерал-лейтенанта, несколько лет командовал дивизией и на одном из смотров, который проводил Николай I, заслужил монаршую похвалу. Фанатичную преданность службе доказывают строки из письма императору: «Мне стыдно умереть под кровлей, ретивое сердце мое должно умереть на полях славы за Вас, в пример и науку преемникам, иначе чаша счастья не будет полна».

Письмо, написанное в разгар польского восстания, не осталось без ответа. Генерал получил под команду бригаду. Примечателен один из боевых эпизодов сражения, которое произошло под Минском. Едва генерал приготовился крикнуть: «В штыки!» – как неприятельское ядро раздробило ему левую руку. Пришлось ее ампутировать. Причем во время операции Иван Никитич сидел на барабане и диктовал последний приказ. В нем имелись и такие слова: «Для меча и штыка к защите прав батюшки белого царя и славы святого нам Отечества... и трех по милости оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно...»

«Русским инвалидом» стал называть себя генерал, этим же псевдонимом подписывал свои рассказы, повести и пьесы. Свои литературные труды Иван Никитич оценивал весьма скромно. «Примусь писать историю собственной жизни, с полной откровенностью обрисую сцены со всеми окрестностями и, оградясь законной десятилетней древностью, черкну смело за целые полвека о себе и о товарищах, хорошее и дурное. Положим, что мой труд не принесет пользу чело-

вечеству, по крайности я оставляю по себе в наследство горящую истину о предметах, коротко и близко мне известных». В литературной жизни России тридцатых-сороковых годов девятнадцатого века появление произведений «Русского инвалида» стало подлинным событием.

Не блеск и изящество фразы влекли читателей и зрителей сочинения Ивана Никитича Скобелева, а живой народный язык, искренность и правдивость. Вот как, например, откликнулся на первую книгу «Русского инвалида» известный поэт И. Н. Веревкин:

Я прочитал твои рассказы
О Бонапарте, о войне.
И живы давние проказы,
И буйно кровь кипит во мне!
Твой слог могуч, огнист и ярок,
Как схватка коршуна с орлом:
И днесь тебе за твой подарок
Бьет войско русское челом.

Оставшимися тремя пальцами были написаны пьесы «Кремнев – русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году». Первая в сезон 1839–1840 гг. выдержала на сцене Александринского театра тринадцать представлений, второй спектакль имел меньший успех, но и он не оставлял зрителей равнодушными.

В 1839 году Иван Никитич, пользовавшийся неизмен-

ным расположением императора Николая Павловича, получил предложение занять должность коменданта Санкт-Петербургской крепости. Исправный служака не посмел отказаться от столь почетного поста. Добрейший комендант (по Н. С. Лескову) успешно сочетал государеву службу с обширной литературной деятельностью и оставил весьма заметный след в литературной жизни Санкт-Петербурга.

В комендантском доме за столом у гостеприимного хозяина собирался цвет литературной столицы России. С. Н. Глинка, Н. В. Кукольник, К. А. Полевой, А. В. Никитенко, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч за хлебосольными обедами обсуждали новые произведения, читали стихи и отрывки из пьес, оживленно спорили о их достоинствах и недостатках. В записках И. С. Тургенева читаем: «Скобелев... памятная фигура, с отрубленными пальцами, смышленным, помятым, морщинистым, прямо-солдатским лицом и солдатскими, не совсем наивными ухватками».

Последние годы жизни, «втиснувшийся в литераторы» генерал от инфантерии провел сибаритствуя, воспитывая внука. Скончался Иван Никитич 19 февраля 1849 года. Как отмечалось в печати, «старикку Скобелеву были устроены похороны, достойные фельдмаршала».

Мнение современников об Иване Никитиче и его литературном даровании разделились. Но все сходились в одном и бесспорно признавали, что генерал, служа верой и правдой царю и отечеству, был необычайно заботлив о солдате, почи-

тал российского воина «как имя знаменитое, существо, достойное уважения и любви». В известной истории 1821 года в лейб-гвардии Семеновском полку генерал осмелился защищать «бунтовщиков». Продолжительная опала стала результатом его высказывания, что «полиция собственно армии не надобна». Так он оберегал честь и достоинство солдата, что и завещал сыну Дмитрию.

Иван Никитич был женат дважды. Первый брак оказался неудачным и бездетным. От второго брака с Надеждой Дмитриевной, в девичестве Дуровой, генерал имел девять детей, из которых только дочь Вера Ивановна⁶ и сын Дмитрий Иванович достигли зрелого возраста.

Дмитрий Иванович вступил в жизнь, имея потомственное дворянство, полученное отцом за ратные подвиги и во все не ощущал недостатка в средствах. Одного лишь упоминания имени генерала от инфантерии, который пользовался неизменным расположением Николая I, оказалось достаточно, чтобы перед Скобелевым-младшим распахнулись двери привилегированного кадетского корпуса. Дмитрий Иванович от природы был крепок, статен, обладал практичным умом и довольно легко освоил азы военной науки. Удача, казалось, сама шла ему в руки – после выпуска молодой офицер был зачислен в свиту императора. Это ли не стремитель-

⁶ Вера Ивановна Скобелева вышла замуж за флигель-адъютанта полковника Константина Федоровича Опочинина, сына младшей дочери фельдмаршала, князя М. И. Голенищева-Кутузова – Марьи Михайловны.

ное начало военной карьеры!

Иван Никитич наставлял «не употребившего собственно-го труда» сына: «Однако не нужно гордости соблазна, могущего тебя учинить индийским петухом, советую тебе не забывать, что ты не более как сын русского солдата». И слова эти нашли отклик. Рассказы отца влекли к жизни деятельной, боевой, и Дмитрий Иванович вскоре без сожаления расстался с беззаботной жизнью свитского. Лишь только прозвучали первые выстрелы на Кавказе, объявив начало очередной кампании против Турции, Дмитрий Иванович отправился на юг. В аттестациях на ротмистра Скобелева, составленных после войны, перечислены многие сражения, где молодой офицер превзошел отвагою бывалых воинов. Солдаты полюбили его за неизменную заботу. Начальство же ценило за удаль, распорядительность и бережливость на солдатскую кровь. Крымскую войну 1853–1856 годов Дмитрий Иванович закончил, имея ордена св. Георгия IV степени, Анны II степени и Владимира III степени, а рядом с отцовской шпагой с надписью «За храбрость» появилась еще одна.

В личной жизни Дмитрию Ивановичу, можно сказать, повезло. Женился он по любви на дочери Николая Петровича Полтавцева – Ольге Николаевне. Другую дочь, Марию Николаевну, преуспевающий московский помещик выдал за графа Александра Владимировича Адлерберга⁷. Свояки, Ско-

⁷ Граф А. В. Адлерберг (1818–1888) – министр императорского двора и уделов, канцлер российских и императорских орденов, ближайший сподвижник импе-

белев и Адлерберг, дорожили семейственностью и по мере сил оказывали взаимные услуги, укреплявшие родство. Ольга Николаевна внесла в дом Скобелевых душевное обаяние, мягкость и доброту характера, умение сглаживать семейные конфликты, заботу и внимание к Ивану Никитичу, страдавшему от ран и иногда подолгу не покидавшему постель в петербургскую непогодицу.

Выпускница Смольного института, воспитанная в лучших традициях женской добродетели, она слыла в столичных кругах женщиной высокообразованной, свободной во взглядах и суждениях. Кроме сына Михаила Ольга Николаевна родила Дмитрию Ивановичу трех дочерей: Надежду, Ольгу, Зинаиду. Без сомнения можно сказать, что все чаяния о продолжении рода Скобелевых Дмитрий Иванович связывал с сыном. Имея характер суровый и крутой, исповедуя аскетизм, он принял решение воспитать Михаила настоящим мужчиной.

Хотелось бы заметить, что мы лишены возможности подробно осветить детство и юность Михаила Дмитриевича Скобелева и тем самым дать полную картину становления его как личности. Сам Скобелев, с неохотой вспоминая о детских годах, не позаботился хотя бы штрихами обозначить наиболее запомнившиеся моменты. Обилие литературы о Скобелеве – обманчиво. Портрет нашего героя, мотивацию поступков зачастую приходится попросту домысливать.

В круговерти драматических событий (революция, гражданская война) семейный архив Скобелевых, не единожды менявший владельцев, оказался вне пределов России и все попытки заполучить и изучить его закончились безрезультатно. Увы, гробовое молчание хранят и государственные архивы. Из них неведомая рука с особой тщательностью и скрупулезностью отобрала и изъяла бесценные документы. Бесследно исчезли послужные списки Скобелева, подлинники приказов, решения Государственного совета, медицинский акт о вскрытии и многое другое, что могло бы пролить свет на загадочную смерть генерала от инфантерии.

И все же попытаемся по крупицам восстановить обстановку, в которой жил и воспитывался наш герой. Пока был жив дед, воспитанием Миши занимались он сам и друг семьи Скобелевых, ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский, личность не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей, голос. С его появлением дом наполнялся шумом, шутками. Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом к великой радости на его глазах разыграют спектакль, в котором непременно участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли. Дядька Григорий, водрузив на спину крестника, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коле-

ней. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная троица дружно распевала:

Взвейтесь, соколы, орлами!

Полно горе горевать.

То ли дело под шатрами

В поле лагерем стоять.

Разве в юной душе не запечатлелись эти импровизированные баталии? Разве детское сердечко не билось учащенно, внимая рассказам о пути, пройденном Россией? Разве уроки доброты и справедливости, полученные Михаилом в детстве, прошли бесследно? Конечно, нет! Добавим, что Скобелевы презирали барство, не чурались домашнего труда, были доступны и открыты для тех, кто обеспечивал им благополучие и комфорт. Уважение к простому человеку Михаил, можно сказать, впитал с молоком матери.

Иван Никитич умер, когда Михаилу исполнилось шесть лет, а с ним навсегда ушло радостное беззаботное время. Мальчик горько переживал его смерть и тосковал возле свежей могилы у ограды Петропавловского собора, где по традиции хоронили комендантов крепости.

Оправившись от переживаний и покинув обжитой дом, Дмитрий Иванович поспешил заполнить педагогический ва-

куум, образовавшийся вокруг сына, и остановил свой выбор на немце-гувернере, которого присоветовал ему сослуживец. Доводами к такому шагу послужили прежде всего известная педантичность и внутренняя дисциплина, присущие немецкой нации. Вдобавок немец, имя которого так и осталось неизвестным, на собственной шкуре познал несложную прусскую армейскую педагогику, в которой подзатыльники и розги были надежными средствами воспитания в духе неукоснительного повиновения.

Как же складывались отношения воспитателя и воспитанника? Немец жаловался отцу и матери на короткую память Михаила и «удлинял» ее своим изуверским способом. Удары розог, вызывавшие молчаливые слезы, то и дело слышались из комнаты, где производилось учение. Мать безуспешно пыталась смягчить Дмитрия Ивановича, в общем-то считавшегося с мнением жены. Но он оставался непреклонным и прекращал разговор о воспитании сына следующей фразой: «По мне, лишь бы дело шло».

Дело шло с успехом. Михаил основательно овладел немецким и французским языками, неплохо музицировал, приобрел навыки светского общения. Наконец-то и пребыванию изверга-гувернера в доме Скобелевых был положен конец. Михаилу в ту пору исполнилось двенадцать лет. По обыкновению семья с прислугой выезжала на лето в Спаское, родовое имение Скобелевых на Рязанщине. Скобелевы жили с соседями дружно, наезжали к ним с визитами и

устраивали у себя хлебосольные приемы на православные праздники. На одном из них Михаилу приглянулась соседская девочка. Как правило, мальчишки в этом возрасте почти все безнадежно влюблены и полны рыцарских побуждений. И когда оскорбляют в присутствии избранницы, ну, например, награждают обычным тумаком, то разве это в состоянии выдержать юная душа! Конечно, нет! На тумаки следует ответить: звонкая оплеуха. Немец опешил. Михаил без обиняков дал понять, что многолетние потуги слепить из него натуру безвольную потерпели провал. Звук пощечины дошел и до скупого на чувства Дмитрия Ивановича. Гувернер получил расчет, а отцу пришлось немало передумать, прежде чем окончательно решить судьбу сына. Полковник гвардии рассуждал так. Ни ликом, ни телом, ни норовом мальчуган для военного поприща не подходит. Не в меру щупл. Много читает, памятлив. Обидчив, словно девица красная. Скрытен. А при определенных обстоятельствах прям до непотребности, дорожит прописными истинами. В людях более всех качеств ценит доброту, готов сразу на нее откликнуться или, напротив, затаиться в себе, если поймет, что это обман. Короче, Дмитрий Иванович заключил, что военная карьера для его сына – несбыточная мечта. «А жаль!» – вздыхал он, вспоминая завещание Ивана Никитича. Пришлось прибегнуть к совету родни. Сородичи проявили завидное единодушие – Михаил должен посвятить себя служению науке. Но вот какой? Ответ на этот вопрос решавшие судьбу Михаила отда-

ли на откуп времени. И тут на помощь пришел случай. На одном из великосветских приемов Дмитрию Ивановичу был представлен владелец парижского пансиона Дезидерий Жирарде, отзывы о котором были весьма похвальны.

Жирарде, всем сердцем привязавшись к России, использовал любую возможность, чтобы побывать в Петербурге и Москве. И, может быть, обаяние этого человека, умение с достоинством вести себя в обществе и блестящее знание русского языка во многом повлияли на решение Дмитрия Ивановича доверить ему воспитание и образование сына. Так Михаил оказался в Париже.

За семью печатями осталась сокрытой программа обучения, которую наверняка имел пансион, неизвестны нам имена сверстников, рядом с которыми провел пять лет юный Скобелев. Несомненно одно – Жирарде выделял его из общей массы учеников. По его собственным словам, Жирарде определил в Михаиле «душу возвышенную, искреннюю, полную жажды знаний».

Скобелев поражал современников глубиной познаний. Он без труда говорил на восьми европейских языках и мог читать наизусть большие отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера, Геймли, среди русских писателей он особо ценил прозу и поэзию Лермонтова, социально звучащие стихи А. С. Хомякова, И. В. Киреевского. Скобелев был неплохим музыкантом, и те, кому удавалось слушать его игру на фортепиано и пение красивым баритоном,

могли по достоинству оценить его. В течение пяти лет учебы в пансионе Жирарде исподволь, но неизменно направлял энергию юноши на познание мира и человеческих взаимоотношений. Между учеником и учителем возникла и крепла день ото дня незримая духовная связь, которая выдержала испытание временем.

Годы спустя Ольга Николаевна Скобелева, не единожды навещавшая сына в Париже, оценивая педагогические усилия Жирарде, говорила: «Нашему старому другу мы обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру... m-г Жирарде... развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу». Сам же Жирарде о юном Скобелеве отзывался так: «Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик, очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения».

Любовь к воспитаннику не ослепляла разум, и где-то в душе зрело беспокойство за будущее Михаила Скобелева. Добродушный Жирарде повторял: «Он плохо кончит, говорю вам, что плохо кончит, потому что он сумасшедший, этот юноша!» Очевидно, что в этой фразе речь идет вовсе не об искалеченной психике, а об особенностях характера, уже в ранние годы проявившихся у Скобелева. Он, по свидетельству французской писательницы Жюльетты Адам, «возмущался еще с детства против общепринятых правил». Попытка экспрессивной француженки представить Скобелева бунтарем не имеет почвы, но то, что в его натуре уже в юном

возрасте вызревал протест против схоластики, казенщины, оторванности знаний от реальной действительности, сомнению не подлежит. Утвердительно можно сказать, что из всех предметов обучения Скобелев с особым старанием и дотошностью штудировал историю. Истину, высказанную еще Цицероном: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит навсегда остаться ребенком», Скобелев отстаивал горячо и настойчиво на протяжении всей жизни.

Тонкий психолог Жирарде, прекрасно осведомленный об атмосфере, царившей в семье Скобелевых, где понятия «долг» и «честь» были главенствующими, с особым тактом воспитывал в юноше чувство ответственности за судьбу Отечества. Поразительно, что сделал это ни кто иной, а француз. Жирарде настолько привязался к своему питомцу, что по истечении срока обучения Михаила в пансионе без раздумий сдал дела и выехал вместе с ним в Петербург. Разросшаяся к тому времени семья воспитанника приняла Жирарде с истинно скобелевским радушием и гостеприимством. На предложение Ольги Николаевны стать домашним учителем Жирарде не посмел ответить отказом.

Какой оказалась встреча Скобелева с родиной? Ведь он покинул ее мальчиком, а возвратился юношей. Изысканное воспитание и великолепное образование, да и сам Париж, законодатель мод и нравов, вполне могли сотворить натуру инфантильную и беззаботную. Чего греха таить, на многих сверстников Михаила столица Франции действовала завора-

живающе. На Россию они взирали, словно в кривое зеркало. Европеизированные юноши, чувственно чмокавшие губами при воспоминании о времени, проведенном вне России, сыпали французскими и немецкими фразами и пренебрежительно фыркали при одном только упоминании мест, откуда были родом. Таким ли был Скобелев? Без сомнения, нет.

Однако было бы наивно представлять юного Скобелева таким сухарем, который равнодушно воспринимал жизнь на Западе. Да, он впитывал словно губка знания, восхищался открытостью иностранцев, но и подмечал их надменность и порочность бытия. Вероятно уже тогда в Скобелеве зародилось умение сравнивать и сопоставлять российскую действительность с той, с которой он сталкивался в течение пяти лет.

Казалось бы, такое сравнение складывалось не в пользу российских реалий. Но нет! Воспоминания о Скобелеве свидетельствуют, что он был не лишен сентиментальности, и как только хандра одолевала его, спешил в милое его сердцу Спасское. Будучи за границей, он грезил о роскошных кудрявых липах, девичьим хороводом окружавших имение, о величественном, то задумчивом, то разливистом звоне колоколов, о волшебном запахе ладана, в который, казалось, погружался этот дивный российский уголок в престольные праздники. Предполагал ли он тогда, что до боли знакомая пыльная рязанская дорога приведет его в Спасское к вечному пристанищу?

О набожности Скобелева неизвестно ничего. Святые для любого православного христианина слова «Господь Бог, Иисус Христос, Святой Дух» он старательно обходил как в речи, так и на письме. Но считать Скобелева откровенным безбожником было бы заблуждением. Судя по его разрозненным высказываниям, он основательно знал Библию, находил многое поучительное в Священном писании и извлек собственное понимание христианства. Многовековые каноны Скобелев трактовал по-своему, возведя в главенствующий постулат всеобщее славянское благоденствие, жертвенность в осуществлении высоких идеалов, сознательный труд и терпение.

Итак, Скобелев сумел сохранить привязанность к родной земле и потому изрядно волновался в ожидании протяжного гудка паровоза, известившего о скором свидании с Петербургом...

В 1861 году ему предстояло держать экзамены в Петербургский университет. Факультет он выбрал математический. Ровно год продолжались подготовительные занятия, ходом которых руководил профессор Л. Н. Модзалевский. В одном из писем читаем: «Сам я сдал с рук двоих учеников и с большим успехом, свидетелями которого были некоторые профессора и попечитель. Экзамен домашний производился у Скобелева с Адлербергом, в квартире молодого Адлерберга, сына министра. Успехами моего ученика остались довольны; на будущий год он будет держать экзамен в универ-

ситет».

А. Ф. Кони, один из абитуриентов университета того же года, много позже так описывал Скобелева: «Вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высокого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание...» Они встретились во второй раз через двадцать лет – известный юрист и генерал-адъютант.

Но учеба в университете оказалась непродолжительной. Шел год провозглашения отмены крепостного права, год, всколыхнувший Россию студенческими волнениями. Нововведения значительно ослабили тугую удавку произвола и насилия, царивших в стенах учебных заведений России. Но дух консерватизма, когда научные познания отступали перед благонадежностью, в одночасье выветриться не мог, и студенты вышли на улицу с протестом. Студенческая среда была неоднородна, и одних митинговые страсти захватили целиком и полностью, другие с осуждением взирали на своих товарищей, с юношеской горячностью бросившихся в омут политической борьбы, третьи попросту ожидали, чем закончится противостояние с властями. Увы, закончилось

оно печально для всех. Университет был закрыт. Возле дверей alma mater многих поколений русских студентов, поблескивавшей окнами пустынных аудиторий, появились жандармы.

Какие мысли и чувства владели Скобелевым в этот бурный период? Ведь на его глазах бушевали доселе невиданные им политические страсти, а лексикон студентов изобилдовал словами «революция», «народное сознание», «реформы». Со студенческих скамей бесследно исчезали откровенные говоруны, а синяки и шрамы на лицах являлись вескими аргументами неблагонадежности. Можно предположить, что происходящее воспринималось Скобелевым с неподдельным интересом, но не более. Слишком большая пропасть отделяла сына начальника конвоя его императорского величества, «любимого при дворе человека», от небогатого в основной массе университетского студенчества.

В решении правительства о закрытии университета говорилось как о мере временной. Но ведь недаром говорится в народе, что нет ничего более постоянного, чем введение временных законоуложений. Скобелеву предстояло разрешить жизненно важные вопросы: что делать дальше, кем быть, где применить свои знания? Категоричный ответ отца: «На службе» Скобелев-младший расценил вовсе не как приказ. За год, проведенный в Петербурге, прочные семейные традиции стали брать верх. Чувствуя в себе призвание и любовь к военному делу, Михаил с завистью смотрел на сверстни-

ков, носивших офицерские эполеты. Дмитрий Иванович, сетовавший несколько лет назад на немужской вид сына, был приятно поражен переменами в его облике. «Вылитый кавалергард», – подумалось тогда ему. Скобелев-младший будто прочитал мысли отца и бисерным почерком написал прошение императору о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, тот, в котором некогда начинал службу Дмитрий Иванович. После непродолжительного хождения по инстанциям на прошении появилась размашистая императорская резолюция: «Удовлетворить».

Призвание – служба

Кавалергардский полк во все времена считали самым аристократичным полком в русской кавалерии. Офицеры недаром шутили: дескать, голубая кровь течет не только в нас, но и в лошадях. Царственные особы шли первыми в списках полка. Во времена службы в нем Скобелева возглавлял список Александр II. Представители знатнейших российских фамилий, бароны, графы, князья, вели под уздцы на выезде в манеже арабских, ахалтекинских, донских скакунов, стоявших на аукционах баснословные суммы. Но кроме внешнего блеска полк имел славную боевую историю, традиции. «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека» – таков был девиз полка.

Первое боевое испытание полк держал в 1805 году при Аустерлице и в проигранной битве заслужил похвалу Наполеона: «Votre régiment a fait noblement son devoir»⁸. В Тильзите кавалергарды входили в состав императорского конвоя и лицецерели того, кто так лестно отзывался о них. Под Витебском, Смоленском и при Бородино они яростно рубились в самых жарких точках сражений. Грозное звучание полковых труб и литавр сопровождало бегство неприятеля из России. В полку долго ходили рассказы о вступлении конной гвардии в Париж, а в знаменном зале стояли георгиевские штандарты.

⁸ «Ваш полк с честью выполнил свой долг» (франц.).

ты с надписями «За Лейпциг» и «За Кульм», как постоянное напоминание о славном боевом пути.

Кавалергарды имели репутацию задир, слыли почитателями Бахуса, были кумирами светских красавиц и немало досаждали столичному градоначальству буйными проделками. Но за стенами полка шла жизнь иная – деятельная, боевая, в соперничестве в удали, в джигитовке, во владении оружием. Гвардейцы дорожили узами войскового товарищества, неизменной была и готовность к ратным подвигам.

22 ноября⁹ 1861 года Скобелев предстал вместе с такими же, как и он, юными воинами перед командиром полка генерал-майором князем Барятинским. В день принятия воинской присяги Михаил Скобелев услышал такие слова: «Без сомнения, братцы, вы сознаете, что служба ваша почетна; охраняя священную нам всем особу Государя Императора и защищая Святую Веру нашу и дорогую нашему сердцу Русь... вы приносите великую пользу своей родине.

Почему говорят, что служба наша честная и святая? Потому, что для пользы общей – всей земли русской – мы жертвуем нашей кровью и жизнью».

⁹ Посвящение в кавалергарды и вручение оружия приурочивалось, по обыкновению, к одному из христианских праздников. Покровителями кавалергардов считались святые Захарий и Елизавета – отец и мать Иоанна Крестителя, предтечи Христа. Их имена носила и полковая церковь. Архистратиг Михаил – начальник ангельских воинов – покровительствовал третьему эскадрону, а Александр Невский и святой Георгий Победоносец – соответственно второму и четвертому. Их праздники приходились на 23 и 26 ноября.

Какие мысли пронеслись в голове Скобелева, когда на посвящении он поцеловал Евангелие и крест? Отныне он навсегда отрешался от бытия спокойного, размеренного, далекого от опасностей и вступал в жизнь, где действовали присяга, законы воинской чести и доблести, долг, дисциплина, ответственность, где человек оценивался по ратному мастерству. Готов ли был восемнадцатилетний юноша к такой жизни? Физически – нет. Поэтому ему многих трудов стоило стать вровень со всеми. Послаблений по службе ждать не приходилось. Постигать мудреную науку владения конем, стрельбу, рубку, действия в строю Михаил Скобелев начал с нуля; с сигнала побудки и до сигнала зори занимался он в манеже, в учебном городке, в классе, а по ночам при свете свечи читал описания войн и сражений, книги по истории военного искусства. Знать больше того, чему тебя учат, – такой принцип сформулировал для себя молодой кавалергард и следовал ему на протяжении всей жизни. А вот что говорилось о Скобелеве в одной из первых аттестаций: «Служит ретиво, не щадя себя». Не потому ли менее чем через год (8 сентября 1862 года) его производят в портупей-юнкера?!

Как дворянин, он имел право на льготное получение первого офицерского звания после двухлетней службы юнкером. Но уже 31 марта 1863 года на его плечах заблестели офицерские погоны. Корнет Скобелев не позволил товарищам усомниться в верности и преданности традициям, и производство в первый офицерский чин кавалерии было от-

праздновано на полковой вечеринке. На ней много говорилось и о его успехах и уважении, которое он завоевал у сослуживцев, еще помнивших деда и хорошо знавших отца. Но похвальные слова не вскружили голову Скобелеву. Уже на первых шагах офицерского становления он взял за правило реально оценивать свои достижения.

До конца 1863 года Скобелев проходил службу в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Этот год принес серьезные потрясения России. Восстала Польша. На знаменах повстанцев красовался лозунг: «За вашу и нашу свободу». Речь шла об отделении Польши от России, причем с территориями Западной Украины и Белоруссии, некогда насильно присоединенных к Речи Посполитой. Антирусская авантюра, главной целью которой было восстановление польского государства в границах, существовавших до 1792 года, то есть до первого раздела Польши между Австрией, Россией и Германией, отличалась жестокостью противоборствующих сторон. К великому огорчению россиян, на стороне повстанцев сражалось немало русских солдат и офицеров, наивно веривших, что таким образом добьются лучшей жизни.

Корнет Скобелев относился к сторонникам самых крутых мер к посягнувшим на спокойствие Отечества. Не без помощи дяди Михаилу удалось получить назначение в свиту генерал-адъютанта графа Э.Т. Баранова, которому Александр II поручил обнародовать манифест к полякам. Но едва посольство пересекло границу Польши, как молодой ордина-

рец захандрил и стал тяготиться немудреными светскими обязанностями. Баранов, скрепя сердце, уступил настойчивым просьбам корнета отпустить его волонтером в войска. Генерал-адъютант лишился расторопного офицера, а поисковая партия подполковника К. И. Занкисова обрела добровольца, одолеваемого неумемным желанием испытать себя в бою. И вскоре такое случай представился.

Стычка с отрядом косинеров под предводительством Шемиота была скоротечной и жестокой. Ситуация стремительно менялась, словно в калейдоскопе. Люди падали под ударами сабель и кос, оставляя на земле кровавые следы. Смерть не щадила ни поляков, ни русских. Выстрелы из ружей, пороховой дым, скрежет металла, ржанье лошадей, призывы и команды слились в единую какофонию, присущую только войне. Поведение Скобелева в этом бою в реляции описано так: «Прямое и отличное исполнение приказаний, а также оказанное мужество при взятии в плен повстанца Безкишкина, 15 апреля, вполне заслуживает награды св. Анны IV ст. за храбрость». Когда бой затих, Занкисов пожал Скобелеву руку, а по прибытии в лагерь обо всем подробно доложил командиру полка.

Так на груди Михаила Скобелева появился первый боевой орден. Напомним: в ту пору ему шел двадцать первый год. Познав запах пороха и окунувшись в боевую жизнь, Скобелев оказался в стихии, которая давала обильную пищу воображению, испытывала на прочность характер. Юный кавал-

лергард сумел доказать, и в первую очередь самому себе, что он не трус и не спасует перед превратностями судьбы. А она хранила его и была благосклонной.

Впрочем, Скобелев не единожды понапрасну испытывал ее в, казалось, бессмысленных проделках, где его жизнь порой висела на волоске. Ну как можно оценить, например, такие пари, которые заключал Скобелев? Он на спор переплыл Вислу вместе с конем, да еще ранней весной! Опять-таки на спор сиганул из окна третьего этажа – способ бегства от ревнивых мужей. Но совершенно внезапно шумные офицерские пирушки лишились одного из неперемных заводил. Для любителей пображничать дверь в комнату, которую снимал Скобелев, оказывается закрытой, а негостеприимный хозяин, незлобиво чертыхаясь, просит оставить его в покое. Сослуживцы посмеивались: дескать, Михаил циркулем и линейкой прокладывает дорогу к сердцу очередной поклонницы. Но говорившие так находились в полном неведении – жилище корнета было завалено книгами по военной истории и обширными картами походов великих полководцев от Цезаря до Наполеона, а сам он, уподобясь стратегу, строил планы будущих кампаний.

Восстание шло на убыль и Скобелев должен был определиться в службе. Блеск и элегантность формы гродненцев, задиристость и озорство гусар сказались в итоге на выборе. Скобелев подал рапорт о зачислении в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, создание которого неразрывно свя-

зано с именем героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Я. П. Кульнева. Под его началом служил некогда и дед, Скобелев Иван Никитич. Гусары чтили боевую историю полка, помнили незабвенного командира и во всем стремились подражать ему. Преуспел в этом и Михаил Скобелев, которого 30 августа 1864 года произвели в подпоручики.

В таком стремительном шествии по ступенькам военной карьеры не было ничего предосудительного. Император, с неизменной симпатией относившийся к гродненцам, дядя – министр двора – и, конечно, отец во многом способствовали тому, что Скобелев в считанные годы стал вровень с теми, кто начал службу ранее его. И то, что вскоре на его погонах появилась еще одна звездочка, подтверждает сказанное. Правда, и Скобелеву нельзя отказать в завидном трудолюбии, полнейшем пренебрежении к трудностям армейской жизни. Уже тогда у него начали проявляться черты, которые создадут ему впоследствии всенародное признание. В воспоминаниях офицеров Гродненского полка Скобелев остался «истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером». В воспоминаниях одного из сослуживцев есть такие слова о нем: «Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры».

В 1866 году Скобелев подает прошение о зачислении в Николаевскую академию Генерального штаба и в этом же году блестяще сдает вступительные экзамены.

Созданная Николаем I в 1832 в качестве «центральной

стратегической школы» и укомплектованная преподавательским составом, утвержденным лично им, академия готовила высший командный состав для русской армии, исходя из формулы: плац, парад, палка. Крымская война 1853–1855 гг. со всей очевидностью доказала, что эта формула исчерпала себя. Стало ясно как Божий день, что военная система России нуждается в глубоких и осмысленных преобразованиях. Горечь поражения поддерживала их необходимость и в цепи Великой реформы они занимали одно из важнейших звеньев.

В Крыму случился парадокс. По военным дарованиям морские военачальники – адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин – оказались на голову выше, чем их собратья по оружию, стоявшие во главе армий и дивизий. Их имена, за редкими исключениями (С. А. Хрулев, М. Д. Горчаков), канули в Лету, реку забвения. Так неужели оскудела на воинские таланты Россия? Неужели поубавилось природной смекалки у оружейных и пушкарских дел мастеров? Неужели иссякло желание юных дворян служить Отечеству верой и правдой? Конечно, нет!

Государство вынуждено было поднатужиться, в чем-то поприжать землевладельцев, обложив их дополнительными налогами, но деньги в копилку на реформы вооруженных сил поступали исправно. В обществе существовало единодушие, которое зиждилось на том, что без боееспособной армии Россия немислима.

А между тем в подготовке костяка, офицерского корпуса, имелось множество недочетов. В большинстве случаев «недоросли из дворян» с гимназической скамьи, как, например, Скобелев, поступали в полки юнкерами или вольноопределяющимися. Рост по службе юношей определялся «правом происхождения». Малоимущие и не отмеченные знатностью дворяне отдавали своих отпрысков в губернские кадетские корпуса. В них будущие офицеры получали лишь основы военных знаний, а затем должны были держать экзамены либо в Дворянский полк, либо в специальные военно-учебные заведения, какими являлись Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное училища. Не осилившим программу обучения в кадетских корпусах предстояло тянуть унылую ляжку армейской службы. А она далеко не всем казалась фунтом изюма, и поместное дворянство ежегодно пополнялось военными, уходившими в отставку. Академические познания удавалось получить считанным десяткам офицеров.

Конечно, такое положение дел не могло не беспокоить Александра Второго и реформа военно-учебных заведений находилась под пристальным вниманием императора. Еще в бытность профессором военной академии Д. А. Милютин в ряде своих записок-проектов ставил вопрос о существенном изменении ее программы и методики преподавания. Академический курс грешил педантизмом, школярством, отрывом от практики. Милютин настаивал на том, чтобы «офице-

ры Генерального штаба знали внутреннее устройство войск, владели механизмом войскового управления». Теоретизирование уходило в прошлое, а на смену ему пришла твердая программа подготовки высокообразованных офицеров. Она прежде всего делала упор на знание картографии, на построение расчетов не наобум, а исходя из законов математики. Все предметы, изучаемые в академии, были поделены на две группы. В основную входили: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия. Вспомогательная группа предполагала изучение артиллерийского и инженерного дела, политической истории и иностранных языков. В академии укрепилась практика военных игр на карте и макетах местности. Надо ли говорить, как это способствовало развитию воображения будущих военачальников! Число офицеров, ежегодно принимаемых в стены академии, не превышало пятидесяти человек. Но претендовать на право сдавать вступительные экзамены мог лишь только тот, кто имел за плечами четырехлетний багаж офицерской службы.

Скобелев учился в академии Генштаба, когда ее возглавлял генерал-майор А. Н. Леонтьев. В официальных источниках время пребывания его на этом посту оценивается как эпоха ее расцвета. Уже то, что академические кафедры возглавляли видные военные теоретики России Г. А. Леер¹⁰, М.

¹⁰ Леер Генрих Антонович (1829–1904) русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), член-корреспондент Российской Академии наук,

И. Драгомиров, а к числу предметов добавились русская литература и международное право, свидетельствует о серьезных намерениях дать выпускникам довольно обширный багаж знаний.

В академии Скобелев с трудом подходил под общую мерку. Существовало как бы два Скобелева: один – сама скромность и непритязательность. Жесткая кровать, образок Богородицы в изголовье, подсвечник, множество книг, рояль, на котором он изредка играл, – вот и все, что имелось в его холостяцкой квартире. Другой – безудержное буйство, всевозможные проделки, которые доставляли немало хлопот родным, шумные офицерские пирушки с обильными возлияниями и похождениями, иногда с драматическими финалами. Товарищи ценили его, начальство и преподаватели считали его способным, но ленивым. На самом же деле Скобелев занимался с огромным рвением тем, что его привлекало, и часто пренебрегал теми требованиями, которые предъявляли к нему некоторые академические педанты. Одно время в профессорской даже высказывалось мнение о его исключении, поскольку он «совсем бросил ходить на лекции, а рапорта о болезни не присылает, да и гуляет по городу. Просто невозможный шалопай». Способ пассивного сопротивления казенщине, выбранный Скобелевым, может показаться несколько странным, если учесть, что по истории военно-

почетный член Шведской академии военных наук. Оставил богатое научное наследие по стратегии, тактике, военной истории.

го искусства, по военной и политической истории, русско-му языку и литературе, по иностранным языкам и вообще по предметам общего образования он имел высшие баллы и был в числе первых.

К тому времени относятся первые опыты Скобелева по исследованию законов войны. С присущей ему дотошностью он изучает биографии Наполеона, Суворова, в собственных сочинениях дает оригинальную оценку великим полководцам. И, как сообщает один из первых биографов Скобелева М. М. Филиппов, «эти сочинения пользовались популярностью среди слушателей, вызывали одобрение, споры».

У того же автора есть описание практического экзамена, который должен был держать Скобелев по окончании учебы в академии. Выпускнику достался вопрос: «Организация переправы конного полка через водную преграду». Местом переправы был выбран Неман. Как полагается, экзаменующийся получил карту, бумагу, на которой должен был письменно обосновать свое решение, дали Скобелеву и коня. Комиссия, которую возглавлял профессор Г. А. Леер, убедившись, что Скобелев уяснил суть задачи, последовала на другие точки, где выпускники старались одолеть вымышленного противника. Завершив объезд, Леер и сопровождавшие его возвратились к тому месту, где они оставили Скобелева. Картина была таковой: выпускник грелся на солнцепеке, рядом пасся и его вороной. Возмущению корифея военной науки не было предела. Бумага оказалась девственно чистой,

топографическую карту не потревожил ни один штрих. Леер взорвался: «Ну-с, так где же, сударь, место, выбранное вами для переправы?!»

На глазах присутствующих Скобелев резво вскочил на коня, бросился в воду и переплыл реку туда и обратно. Скобелев ожидал разноса, всего чего угодно, но Леер не скрывал восхищения, а по приезде в Петербург настоял на назначении Скобелева в Генеральный штаб. Незадолго до выпуска, 20 мая 1868 года Скобелева производят в очередной чин штаб-ротмистра.

Для любого из однокашников Скобелева попасть в Генеральный штаб было пределом мечтаний. Еще бы! Служить в столице империи, в здании, из окон которого открывается превосходный вид на Дворцовую площадь, Зимний дворец. Приемы, которые с особым постоянством устраивались в резиденции российского монарха для офицеров гвардии и Генерального штаба разве сравнимы с унылым прозябанием в каком-нибудь гарнизоне?

Но кабинетная тишь, шуршание бумаг, поскрипывание перьев и штабная суэта быстро наскучили Скобелеву. Одному ему известным способом он добился назначения в отряд генерала Абрамова, которому предстояло проделать путь по условной границе России с Бухарским ханством. Однако и в отряде Скобелев не нашел себе применения. Военные занимались не присущим им делом: описывали местность, искали караванные тропы, ведущие к колодцам. Одним словом,

Скобелев с невероятной быстротой отделался от полномочий, данных ему Генеральным штабом и объявился в Петербурге. И тут его ждала новость. В верхах было принято решение об организации экспедиции на побережье Каспийского залива.

Командиром отряда был назначен полковник Н. Г. Столетов, заблаговременно выехавший на Кавказ, где деятельно приступил к организации похода за Каспий. Какие сведения об этом крае мог почерпнуть Скобелев из учебников? Надо полагать, что весьма скудные. А раз так, то его место там, где в строжайшей тайне готовится экспедиция. Сознал ли штабс-капитан, что это вовсе не прогулка, не заграничное путешествие, а необходимость, вызванная геополитическими интересами России? По-видимому, нет. Но он нажал на отца, Дмитрий Иванович – на свояка, графа Адлерберга, и заветное предписание и рекомендации вскоре оказались у него в руках. Так Скобелев оказался на Кавказе.

Идея самого похода состояла в том, чтобы отправить за Каспий небольшой отряд, который проведет бы рекогносцировку и обеспечит высадку основных сил. Конечно, Скобелев оказался в первом эшелоне. И вот тут-то и выяснилось, что в деле, требующем детального изучения и осторожного подхода, Скобелев оказался для Столетова помощником никудышным. Штабс-капитан выпросил у Николая Григорьевича небольшой отряд солдат и с ними сделал вылазку из импровизированного укрепления, созданного на берегу Кас-

пия. Вылазка закончилась удачно, но наделала изрядный переполох у туркмен, которых явно озадачило внезапное появление русских. И, хотя молодой и энергичный офицер пришелся по душе Столетову, он был вынужден все же расстаться с ним...

Скобелев возвратился в Петербург. Здесь его ожидало приятное известие. 5 июля 1872 года он получил чин капитана. Надо полагать, что именно отец убедил Михаила согласиться с назначением на должность адъютанта штаба дивизии, которая располагалась в Новгороде. Назначение это было формальным, дивизия, как и многие другие соединения Петербургского военного округа, находилась в стадии перестроения, и никакой реальной помощи в этом процессе Скобелев оказать не мог.

И тут у Скобелева неожиданно проявился интерес к штабной работе. Возник он не на пустом месте. В военно-учебном комитете Генерального штаба, исполнявшего функцию оперативного управления, сходились нити преобразований, и Скобелев, на некоторое время оказавшийся в его стенах, воочию убедился, насколько сложным является механизм вооруженных сил, малейший сбой в котором сулил крушение многих планов. А они поражали своим размахом, продуманностью и реальностью, однако требовали значительного времени. Но Скобелев сгорал от нетерпения и брался за любое живое дело, лишь бы оно было связано с переездами. В одной из таких поездок и застало его известие о производстве в

чин подполковника. Произошло это событие 30 августа 1872 года.

Два года Скобелев колесил по России, пока его «служебные блуждания» не были прерваны женитьбой. Летом 1874 года он обвенчался с фрейлиной императрицы княжной Марьей Николаевной Гагариной. Княжна не блистала красотой, но ровный, выдержанный и спокойный характер, проявлявшийся в ее мягком женственном облике и неспешной, распевной речи, должны были, по мнению Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны, «обуздать порыв». И кажется, в первые месяцы это удавалось, иначе в письме отцу не было бы таких слов: «Спокойствие есть почти целое счастье на земле».

Свое удовлетворение Дмитрий Иванович не скрывает. Сын, принесший столько хлопот в улаживании его постоянных конфликтов и долгов, обрел семейную пристань. «Радуясь твоему настоящему степенству, – пишет он Михаилу, попутно делая комплимент его молодой жене, – радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...»

Внешне Скобелев действительно изменился, но мечты о жизни иной, деятельной, боевой, где властвуют удаля, хождение между жизнью и смертью, увлекала его сильнее, чем устланная мягкими коврами тахта и спокойное и ровное потрескивание свечей в уютной квартире.

Он буквально вымаливает назначение в Туркестан¹¹ и при

¹¹ Туркестан – прежнее название территории в Средней и Центральной Азии.

посредничестве дяди получает долгожданное предписание, обычный, деловой стиль которого вызвал у Скобелева массу чувств. Наконец-то он избавился от унылого кабинетного сидения и затеплилась надежда испытать свой жребий в настоящем, столь необходимом для России деле.

Отъезд в Туркестан стал первым шагом к разрыву с женой. Их брак был расторгнут в 1876 году.

По прибытии он напишет дяде: «Жить моей жизнью, со-знаюсь, для женщины нелестно». В разговорах с друзьями Скобелев часто говорил, что «Игнатий Лойола только потому и был велик, что не знал женщин и семьи...» И все же, ведя холостяцкую жизнь, Скобелев частенько высказывал желание «понянчить своих скобелят». К сожалению, этому так и не суждено было сбыться.

На территории Русского Туркестана было образовано в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство.

В Туркестане

Длинен и труден путь от Петербурга до Ташкента. Но вот он позади, и Скобелев с головой уходит в подготовку своего отряда к боевым действиям...

На российских картах середины XIX века Туркестан, имевший более чем тысячелетнюю историю, прочные культурные традиции и самобытный жизненный уклад, выглядел лоскутным одеялом. Края его либо терялись в необъятных азиатских просторах, либо внезапно обрывались на пороге российских владений.

Далеко не просто складывались взаимоотношения среднеазиатских государств с Россией. К прибытию Скобелева в Туркестан история их конспективно выглядела следующим образом. Местные правители, можно сказать, шли на ощупь в делах с Российским государством. Это и объяснимо. В представлении восточных владык Россия являлась полной загадкой, а отправляемые ими караваны на пути, пролежавшим в эту страну, поджидало немало опасностей. Прибытие российских послов, а наипаче купцов в Бухару, Хиву или Коканд считалось подлинным событием. Не меньший восторг у жителей Москвы, Нижнего Новгорода и Астрахани вызывали и ответные визиты торговцев тканями, пряностями, экзотическими фруктами, ювелирными украшениями.

Однако такой скудный и эпизодический обмен не мог

устроить Петра I и царь-преобразователь возвел интерес к Средней Азии в ранг государственной политики. Выгоды активного проникновения в азиатскую глубинку были очевидны, и все последующие российские государи в меру своих сил пытались утвердить влияние России в этом регионе. И тут выяснилось, что «владычица морей», как называли Англию, не прочь прибрать к рукам «бесхозные» среднеазиатские ханства. По этому поводу Ф. Энгельс, глубоко осведомленный о намерениях лондонского кабинета, писал: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г. завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»¹².

Ф. Энгельс допустил неточность, отсчет военного проникновения России в Среднюю Азию следует все-таки вести от неудачно закончившейся экспедиции генерала Перовского. Состоялась она в царствование Николая I в 1839 году. После почти пятнадцатилетнего перерыва император вернулся к своей идее, и в Каракумской пустыне и на берегах Сырдарьи вновь зазвучали выстрелы и разрывы.

Англичане интриговали без устали. Имперская пресса злословила: дескать, «каждый русский спит и видит себя в Константинополе и на берегу Индийского океана». Верилось

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 45.

в такое с трудом, но, как полагали в Лондоне, и этот проверенный способ очернения соперника, России, должен принести результат. К огорчению англичан, снабжавших непокорных ханов оружием, дела складывались явно в пользу русских войск. Лондону так и не удалось создать блок государств, направленный против России.

К описываемому времени применимы два термина – завоевание и присоединение. Однако последний значительно шире, исторически точнее и включает в себя понятия как завоевания, так и мирного включения в состав России ряда областей и районов. Результаты этого исторического процесса настолько значительны, что впоследствии сказались на всем ходе развития среднеазиатских государств.

Скобелеву показалось, что в Туркестане время словно остановилось на мертвой точке. И такое впечатление не было обманчивым. Столетиями край раздирали междоусобицы. Ненасытные ханы, враждующие между собой, не щадили ни жизни соперников, ни кишлаков, ни колодцев. От верховных правителей не отставали беки, баи. Жизнь дехканина представляла собой кромешный ад и была наполнена ожиданием очередной свары. А они несли с собой голод, усугубляли нищету. Невольничьи рынки ломались от дешевой рабочей силы. В забитости и несправии народа потонула многовековая мудрость. О каком живом обмене с соседями могла идти речь, когда богатый и некогда процветающий край зашел в явный исторический тупик! Возможно, Туркестан так

бы и не выбрался из него, если бы не Россия.

Русские подавили сопротивление, но и объединили в большинстве своем кочующие народы, привили им вкус к оседлой жизни. Россия прибегнула к помощи оружия, но, как только замолчали пушки, оберегала покоренных своей мощью. Ф. Энгельс, из коего и слово-то доброе о России трудно было вырвать, в одном из писем К. Марксу утверждал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹³.

Туркестанские кампании и по сей день слабо изучены. А между тем опыт, приобретенный в них русскими войсками, позволяет сделать вывод, что трудности, с которыми столкнулись они при ведении боевых действий в Азии, не идут ни в какое сравнение с теми, которые ранее пришлось испытать русским воинам. На их пути стояли безводные пространства, зыбучие пески и солончаковые пустыни. Палящий зной и безводье вполне могли парализовать физические силы. А они были так необходимы для того, чтобы преодолеть сопротивление противника.

Отважные предводители кочевников вынуждены были признать, что в лице русских имеют соперников, не уступавших воинам Аллаха ни в отваге, ни в мужестве. Невзирая на отдельные неудачи, русские повсюду теснили непокорных

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 241.

воителей, занимали город за городом. В итоге к началу семидесятых годов под протекторат России попала обширная территория, ограниченная левым берегом Сырдарьи. Русские войска энергично принялись обустраивать прибрежную линию, создав по ней ряд укреплений.

Хивинский хан, по соседству с владениями которого шла эта созидательная работа, занял поначалу выжидательную позицию. «Мол, посмотрим-поглядим, как себя в дальнейшем поведут неверные». На удивление воинственного владыки русские стали настойчиво предлагать мир. Соглашение могло вполне состояться, если бы в дело не вмешались английские советчики. А уж по части плетения интриг дипломаты с берегов Туманного Альбиона имели прочные навыки. Хан уступил нажиму и напрочь отказался вступать в какие-либо переговоры с представителями русского командования. За отказом последовали шаги, которые до предела накалили обстановку.

Вдоль Сырдарьи пролегли караванные пути, по которым столетиями совершали переходы русские купцы. И вот караваны, ведомые ими, стали бесследно исчезать. Следы исчезновения явно вели в Хиву. Нападения на мирных торговцев сменились внезапными набегами на кочевья кара-киргизов, принявших добровольно российское подданство. Хивинские ватаги нагтели час от часу и буквально вели охоту за каждым русским. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман сообщал в Петербург, что в хивинском плену томятся сотни

соотечественников и он располагает достоверными сведениями о том, что с невольничьего рынка в Хиве русские пленные отправляются в соседний Коканд, а оттуда их переправляют в Персию. Существовал даже ценник, по которому русские стоили гораздо выше других рабов. Цена на мужчин колебалась от ста до двухсот тиллей¹⁴, на женщин она достигала трехсот тиллей. Сердобольное российское правительство моментально отреагировало на письмо Кауфмана, выделив на выкуп из неволи три тысячи рублей золотом. Но хан и тут заартачился, и когда генерал-губернатор предложил ему вступить в торг, с поддельным возмущением промолвил: «Я не могу взять в толк, каким образом пять или десять русских, живущих в Хиве по дружбе, могут стать яблоком раздора».

Факты, однако, свидетельствовали о другом. Захват русских стал сущим бедствием. К. П. Кауфман доносил в Петербург: «Не предрешая времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену».

Скобелев приехал в Туркестан, когда подготовка к походу на Хиву была в самом разгаре. И вот здесь горячность и недостаток выдержки сослужили ему плохую услугу, став причиной натянутых отношений с некоторыми офицерами, пренебрежительно отзывавшимися о нем как о петербургском выскочке. Скобелев умел постоять за себя и дважды дрался на дуэли. Кауфман вынужден был сделать ему выговор и отко-

¹⁴ Тилля – золотая монета, равная 1 рублю 80 копейкам.

мандировать в Тифлис.

Но наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич рассудил по-своему. Скобелев пришелся ему по душе неординарностью мышления, порывистостью, неумным желанием проявить себя. И Скобелев вновь пересек Каспий, получив назначение в Мангышлакский отряд полковника Н. П. Ломакина. В состав экспедиции против Хивы также вошли Туркестанский, Оренбургский, Красноводский отряды и Аральская флотилия. Общее руководство осуществлял К. П. Кауфман.

Воспитанник инженерного училища Константин Петрович Кауфман происходил из незнатной немецкой обрусевшей семьи, исповедовавшей православие. Всю свою офицерскую молодость он провел на Кавказе в стычках с горцами, немало сделал и для укрепления Прикаспия. В нем удачно сочетались качества военного инженера и войскового командира. За штурм турецкой крепости Карс во время Крымской войны был награжден саблей с надписью «За храбрость». Обладая обширными военными знаниями, организаторским талантом и будучи человеком честным и принципиальным, он двигался по ступенькам военной карьеры без помощи всемогущего родства и связей. До прибытия в Туркестан в 1867 году участвовал в разработке военной реформы, некоторое время находился в свите императора, затем заведовал канцелярией военного министерства и два года занимал пост Виленского генерал-губернатора. Высокой требовательностью

и заботливостью о людях завоевал в армейской среде весомый авторитет.

Прибыв в Туркестан, Кауфман, словно этнограф, постарался как можно глубже изучить быт и нравы местного населения, и все свои действия соизмерял с обстановкой. Законы Востока были непреложны. Губернатор всегда появлялся в окружении свиты, поражающей блеском, гремела медь военных оркестров, раздавалось громогласное «ура», стройные ряды воинов свидетельствовали о мощи государства, с которым приходилось иметь дело.

Генерал умиротворял враждующих, жестоко карал не желавших повиноваться, щедро одаривал лояльных русским властям. Твердо отстаивая интересы России, К. П. Кауфман немало сделал для просвещения Туркестана. В бытность его губернатором построено шестьдесят школ, две гимназии – мужская и женская, а Ташкент получил первую в Средней Азии публичную библиотеку.

В апреле 1873 года русские войска выступили в поход из четырех пунктов. Скобелев командовал авангардом Мангышлакского отряда (две тысячи сто сорок человек) в составе трех рот пехоты, двух сотен казаков и двух орудий. От колодца к колодцу, от стойбища к стойбищу шел отряд к главной цели – Хиве. Палили от изнеможения верблюды, лошади, нестерпимо палящее солнце делало людей безвольными, появились больные. Многие версты нелегкого пути Скобелеву пришлось пройти пешком. Но он знал, что основная часть

отряда, следующая за авангардом, должна пройти по разведанному, безопасному пути и что колодцы не должны достаться бродившим по пустыне воинственным кочевникам. В одной из стычек с ними Скобелев получил семь ран и вынужден был преодолеть часть пути лежа в арбе.

12 мая Мангышлакский и Оренбургский отряды соединились в Кунграде, и общее командование перешло к генерал-майору Веревкину. До Хивы оставалось двести пятьдесят верст, и они оказались самыми трудными и самыми кровавыми. Не проходило ни дня без крупных стычек с хивинцами, которые сжигали оставшиеся позади мосты через арыки и реки, засыпали колодцы. Значительными силами они преграждали путь отряду у Ходжейли, Мангыта и других пунктов, но безуспешно: 28 мая авангард Скобелева стоял у Хивы.

Тем временем Туркестанский отряд остановился в полупереходе от Хивы. Здесь К. П. Кауфман получил известие, что жителей города раздирают противоречия. Часть населения готова гостеприимно распахнуть ворота, остальные были намерены сражаться до конца. Кауфман решил не спешить со штурмом и посоветовал тоже самое и генералу Веревкину. Казалось, дело вполне могло закончиться мирным исходом. И вот тут-то лагерь Мангышлакско-Оренбургского отряда подвергся нападению. Хивинцы, используя местность и сумерки, совершили несколько вылазок, нанеся русским чувствительные потери. Веревкин отдал приказ на штурм, а

Скобелеву поручил осуществить разведку боем.

Хивинцы поливали русских свинцом. Ядра пушек, разрываясь, взбивали огромные фонтаны песка. Но удачные выстрелы русской батареи заставили замолчать их артиллерию. В брешь, пробитую в Шахабатских воротах, первым пробрался Скобелев. Следом за ним в крепость проникли две роты его авангарда и после скоротечного боя овладели стенами и башнями. После чего Скобелев со своим отрядом, с боем завоёвывая каждую улицу, прорвался к ханскому дворцу. 29 мая 1873 года Хива пала.

По занятию Хивы Кауфман великодушно позволил хану возвратиться в столицу. Правитель занял свои апартаменты и, спустя некоторое время, устроил роскошный прием. В числе приглашенных был и Скобелев, который получил в этот день наглядный урок дипломатии. В воспоминаниях американского корреспондента Я. Мак-Гахана запечатлен диалог между Константином Петровичем Кауфманом и Сеид-Мохамед-Рахим-Богадурханом:

Кауфман: Если бы вы послушались моего совета три года тому назад и исполнили бы тогда мои справедливые требования, то никогда не видали бы меня здесь... Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение... Великий Белый Царь слишком велик, чтобы вам мстить... Он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле, при известных условиях.

Хан: ...Мне давали дурные советы...

Кауфман: Теперь вы можете возвратиться, хан, в свою столицу. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за труды и занятия, никто их не тронет; скажите им, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронут их жен и имуществ.

Победители держали свое слово твердо. До хивинцев и ранее доходили слухи, что там, где появляются русские, навсегда исчезает рабство. И вот однажды с минарета дворцовой мечети раздался протяжный голос муллы, созывающий народ на молитву. Каково же было удивление собравшихся, когда вместо привычных сур Корана служитель Аллаха зачитал ханский ферман, в котором под страхом смерти запрещалась купля и продажа людей, а все рабы получали свободу. Радость, с которой население встретило этот ханский указ, написанный явно под диктовку победителей, была безмерной. К тому же на Хиву была возложена щадящая контрибуция в размере двух миллионов двухсот тысяч рублей с ежегодной выплатой по двести тысяч рублей в казну. Война стоила гораздо больших денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.